

15 Октября № 20 VII годъ № 20 1896 года

ВѢСТНИКЪ ВОЕННАГО ДУХОВЕНСТВА,

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПО УТВЕРЖДЕННОЙ СВЯТѢЙШИМЪ СУНОДОМЪ ПРОГРАММѢ.

Цѣна годоваго изданія, выходящаго 1-го и 15-го числа каждаго мѣсяца, въ размѣрѣ не менѣе 2-хъ печатныхъ листовъ, 3 р., съ доставкой въ С.-Петербургъ и пересылкою во всѣ города Имперіи. За пересылку за границу добавляется къ подписной цѣнѣ 2 руб. Подписка въ разсрочку не допускается.

Подписка, статьи и разнаго рода объявленія принимаются въ Канцеляріи Протопресвитера военнаго и морскаго духовенства: С.-Петербургъ, Воскресенскій проспектъ, дому № 18-й.

ЧАСТЬ ОФИЦІАЛЬНАЯ.

ОБЪ ИЗДАНИИ «ВѢСТНИКА ВОЕННАГО ДУХОВЕНСТВА» ВЪ 1897 ГОДУ.

С.-Петербургъ: *Воскресенскій просп.*, д. № 18 (на углу Фурштадтской улицы), при Управленіи Протопресвитера военнаго и морскаго духовенства:

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 Г. (8-й годъ изданія) НА ДУХОВНЫЙ ЖУРНАЛЪ:

„ВѢСТНИКЪ ВОЕННАГО ДУХОВЕНСТВА“,

издаваемый по утвержденной СвятѢйшимъ Синодомъ программѣ.

Кромѣ официальной части, въ журналѣ помѣщаются: слова, рѣчи и внѣбогослужебныя бесѣды, статьи и замѣтки по вопросамъ богословскимъ, церковно-

историческимъ и проч., историко-статистическія свѣдѣнія о церквахъ военно-морского вѣдомства, воспоминанія объ отличившихся на войнахъ полковыхъ священникахъ и вообще герояхъ-воинахъ, поучительныя свѣдѣнія о духовно-просвѣтительной дѣятельности военнаго духовенства, библиографическія замѣтки, некрологи и проч.

О выходѣ этого изданія объявлено въ циркулярѣ Главнаго Штаба 10-го декабря 1891 года за № 224, и 1892 г. № 254.

Цѣна годового изданія, выходящаго 1-го и 15-го числа каждаго мѣсяца, въ размѣрѣ не менѣе 2-хъ печатныхъ листовъ, *три рубля*, съ доставкою и пересылкою. Подписка, статьи и разнаго рода объявленія принимаются въ Канцеляріи О. Протопресвитера Военнаго и Морского Духовенства (С.-Петербургъ, Воскресенскій просп., № 18), гдѣ можно получать «Вѣстникъ Военнаго Духовенства», въ переплетѣ, и за минувшіе семь лѣтъ, съ платою за каждый годъ по *четыре рубля*, съ пересылкою. Выписывающіе за всѣ семь лѣтъ платятъ двадцать одинъ (21) руб. съ пересылкою.

Систематическій указатель статей, помѣщенныхъ въ Вѣстникъ Военнаго и Морского Духовенства за 1890, 1891, 1892 и 1893 гг., цѣна 20 коп.

Изъ указа Святѣйшаго Правительствующаго Синода отъ 12-го августа 1896 года за № 3844.

По возбужденному Главнымъ Интендантскимъ Управленіемъ вопросу о томъ, возможно-ли, въ видахъ сокращенія грузовъ, возимыхъ при войсковомъ обозѣ, не возить въ военное время походной церкви, а имѣть только для совершенія литургіи походный антиминсъ и складной престолъ съ присоединеніемъ къ нимъ церковной утвари, исчисленной въ приказѣ по В. В. 1885 г. № 188, Св. Синодомъ опредѣлено: разрѣшить совершать Божественную литургію во время военныхъ походовъ на переносныхъ антиминсахъ, въ нарочито устрояемыхъ для сего палаткахъ, но съ тѣмъ, чтобы изъ состава церковнаго имущества, присвоеннаго войсковымъ частямъ, имѣющимъ священника, не были исключаемы богослужебныя книги, каковыя, для сокращенія ихъ тяжести, могутъ быть всѣ малаго формата.

Военному духовенству къ свѣденію.

О. Протопресвитеръ А. А. Желобовскій приглашаетъ подвѣдомыхъ священнослужителей на братское собраніе, имѣющее быть 5-го числа будущаго ноября мѣсяца, въ помѣщеніи Духовнаго Правленія. Начало собранія въ 7 часовъ.

ЧАСТЬ НЕОФИЦИАЛЬНАЯ.**Напутственное слово нижнимъ чинамъ, увольняемымъ въ запасъ арміи.**

Наконецъ дождались вы, Христолюбивые воины, того, чего такъ давно ожидали: еще нѣсколько дней—и вы дома. Тамъ давно уже ждутъ васъ родные, жены, дѣти, друзья и знакомые.

Въ гостяхъ, говорятъ, хорошо, а дома лучше. У насъ въ полку вы были, дѣйствительно, какъ гости: давно-ли пришли сюда?—и уже уходите. Но вспомните, какими вы пришли и какими уходите. Многие-ли изъ васъ были грамотными до поступленія въ военную службу? Очень немногіе, а теперь почти всѣ умѣете читать, писать и считать. А кому вы обязаны этимъ! Попечительному военному начальству; будьте благодарны ему и молитесь за него. Когда поступили вы въ полкъ въ качествѣ новобранцевъ, едва умѣли отличать, что называется, правую сторону отъ лѣвой, а теперь уходите ловкими, расторопными молодыми людьми. А расторопность и смеленность въ жизни очень-очень пригодятся. Не забывайте, наконецъ, и того, какъ хорошо кормили и одѣвали васъ въ военной службѣ. Оттого и на видъ стали свѣжѣе и здоровѣе. Нельзя вамъ жаловаться на военную службу: не мачиха она была вамъ, а мать родная. Расскажите землякамъ про житье-бытье солдатское сущую правду, а не представляйте его чѣмъ-то въ родѣ каторжныхъ работъ. Грѣхъ этотъ за нѣкоторыми изъ солдатиковъ водится. Ради чего это дѣлается—все равно; но зла отсюда выходитъ не мало. На-слушавшись разныхъ страховъ про военную службу, родители отиравливаютъ туда дѣтей, а жены мужей—словно на тотъ свѣтъ, а молодые люди, чтобы избѣжать отбыванія воинской повинности, прибѣгаютъ иногда къ членовредительству, и остаются, такимъ образомъ, на всю жизнь неспособными къ труду калѣками. Вотъ до чего доводятъ пустые, ложные рассказы! Старый солдатъ съ удовольствіемъ и гордостью вспоминаетъ свою двадцатипятилѣтнюю службу, при условіяхъ гораздо болѣе не благопріятныхъ, а вамъ, прослужившимъ три-четыре года, развѣ не стыдно жаловаться на тяжесть службы?! Трудились вы—этого никто не станетъ оспаривать. Но иначе и быть не должно—какая же была бы и служба безъ труда; да за что же бы, наконецъ, и хлѣбъ то Царскій ѣли?

Не сидите безъ дѣла и дома, по прибытіи на родину. Кто чѣмъ занимался до поступленія на службу, тѣмъ и занимайтесь съ Божіею помощію. Знаю изъ личныхъ наблюденій, что многіе изъ васъ, по возвращеніи со службы, не охотно берутся за соху, которая ихъ раньше кормила, какъ будто соха унижаетъ честь военнаго званія. Чаще всего это бываетъ съ воинами, вышедшими въ запасъ унтеръ-офицерами. Они часто поступаютъ сидѣльцами въ кабаки, приказчиками въ имѣнія, писарями къ разнымъ чиновнымъ особамъ и пр. Правда, и сюда нужны люди; но дѣло въ томъ, что другой бѣжить изъ насиженнаго гнѣзда, самъ не зная куда, и бѣжить потому только, что пахать землю ему-де не-по-чину. На службѣ, главнымъ образомъ, васъ учатъ порядку, чтобы, возвратясь домой, вы, въ свою очередь, вносили бы въ деревню порядокъ, а не беспорядокъ. Какого же ждать порядка отъ того, кто беретъ за дѣло, совершенно ему незнакомое, — беретъ только потому, что оно легче и выгоднѣе. А что можетъ быть сподручнѣе для человѣка, вышедшаго изъ крестьянской семьи и къ ней же опять примкнувшаго, какъ не земледѣліе, которое искони служить отличіемъ крестьянскаго званія: какъ солдата нельзя представить безъ ружья, такъ и крестьянина безъ сохи. Вы думаете, что хлѣбопашество унижаетъ достоинство человѣка. Напрасно; добрые люди любятъ честнаго земледѣльца и презираютъ безчестнаго міроѣда—кулака. Полюбите, други мои, земельку также, какъ вы ее любили до поступленія въ военную службу.

Не соблазняйтесь поисками легкаго труда. Развѣ вы не слышали пословицы: «Что легко приходитъ, то легко и уходитъ». И что было-бы, если бы всѣ пустились на легкой трудъ? Запустѣла-бы наша земля, вздоржалъ-бы хлѣбъ насущный, появилась-бы нужда горькая. Вы не только слышали о такъ называемыхъ вольныхъ работахъ, но и сами, вѣроятно, бывали на нихъ. Какъ вы думаете—для чего онѣ допущены въ войскахъ? А для того, очевидно, чтобы крестьянинъ-солдатикъ не забывалъ своего родного занятія. Значить, и Царь-Батюшка желаетъ видѣть васъ на родинѣ тѣми-же честными земледѣльцами, какими были вы до поступленія на службу.

Что же еще сказать вамъ на прощанье?

Не забывайте храма Божія въ дни воскресные и праздничные, и соблюдайте установленные Церковію посты. По опыту намъ извѣстно, что иные солдатки, возвратясь со службы домой, не только сами перестаютъ поститься въ положенные дни, но и другихъ соблазняютъ, указывая на то, что

въ военной службѣ постовъ-де не полагается. Неправда; и здѣсь посты, какъ вамъ самимъ извѣстно, по мѣрѣ возможности, соблюдаются. А если допускаются отступленія отъ устава церковнаго, то ради крайней нужды, ради усиленныхъ занятій, при которыхъ требуется пища болѣе питательная; нужда измѣняетъ законъ. Но нѣтъ никакой надобности измѣнять законъ безъ нужды, а еще менѣе надобности соблазнять пищую того, кто къ постамъ привыкъ относиться съ должнымъ уваженіемъ, какъ къ древнимъ церковнымъ установленіямъ.

Будьте почтительны къ старшимъ и покорны начальникамъ. Въ этомъ отношеніи вы, наученные изрядно въ военной службѣ, должны подавать хорошій примѣръ другимъ, не имѣющимъ должнаго понятія о почитаніи Богомъ установленныхъ властей. Не полагаясь много на себя, такъ какъ вы еще молоды, слушайте людей пожилыхъ и опытныхъ, и пользуйтесь совѣтами вашихъ духовныхъ отцовъ. Вотъ вамъ, други, мои совѣты: на пользу вашу даны они бывшимъ духовнымъ отцемъ вашимъ.

Священникъ церкви 8-го пѣхотнаго Эстлянскаго полка Кандидъ **Струковъ**.

Поученіе въ день Казанской Божіей Матери.

*Не умолчимъ никогда, Богородице, силы Твоя
глаголати недостойнии.*

Съ ранняго дѣтскаго возраста и до глубокой старости, — до гробовой доски, первое мѣсто по теплотѣ и молитвенности, въ сердцѣ всякаго истиннаго христіанина, занимаетъ Пресвятое имя Богоматери. Не говоря о храмахъ, нѣтъ православнаго жилища, гдѣ-бы не было иконы Владычицы міра. Всѣ къ Ней обращаются, всѣ къ Ней прибѣгаютъ и Она, Благодатная, прие-летъ наши мольбы и сокрушенные вздохи. Ея любвеобильное сердце, со-жалѣя, снисходитъ къ нашимъ немощамъ и подаетъ неоскудныя ми-лости всѣмъ съ вѣрою притекающимъ. Отъ святыхъ чудотворныхъ иконъ Богоматери текутъ обильныя рѣки милостей и чудотвореній; про это всякій знаетъ и большинство изъ насъ испытало на себѣ. Но мой языкъ слабъ вы-разить бездну милостей и щедротъ, — восхвалить Благодатную по достойно

изумѣваетъ мой умъ! А потому переношу ваше вниманіе на историческую судьбу древней, всѣми чтимой, иконы Богоматери, находящейся въ Шлиссельбургской крѣпостной часовнѣ. Всѣ вы знаете, что икона эта древняя, а почему она называется Явленной и Чудотворной для большинства изъ васъ остается въ неизвѣстности.

Давно это было, болѣе пяти сотъ лѣтъ назадъ тому, какъ архіепископъ Новгородскій Василій, по просьбѣ жителей Орѣхова, такъ звали прежде Шлиссельбургскую крѣпость, пріѣзжалъ сюда для освященія башенъ и храма. Была-ли въ этомъ первомъ храмѣ Орѣхова икона Богоматери, лѣтописи молчатъ, но не погрѣшимъ, если допустимъ эту мысль. А съ увѣренностію можно сказать, что предъ этою иконою возносились мольбы и проливались слезы въ тяжелый періодъ царствованія Грознаго. Къ Владычицѣ міра прибѣгали Орѣховцы въ смутныя времена самозванства и шведскихъ набѣговъ и опустошеній. Въ 1611 году орѣховская крѣпость была передана во владѣніе Шведамъ. Много въ то время исчезло православныхъ Святынь и древностей, могла затеряться и святая икона Богоматери, если-бы заботливая рука одного изъ ревнителей православія не сокрыла эту духовную драгоценность отъ глазъ иновѣрныхъ. Икона была замурована въ стѣнѣ древняго русскаго крѣпостного храма и здѣсь сохранялась въ теченіе почти цѣлаго столѣтія. Православные орѣховцы надѣялись такимъ образомъ предохранить глубоко чтимый образъ небесной Владычицы отъ поруганія иновѣрныхъ, твердо вѣря, что Царица небесная освободитъ свой образъ отъ временнаго заточенія и возвратитъ принадлежащій Ей храмъ и русскую область въ руки православныхъ. Надежда эта дѣйствительно исполнилась, но не скоро. Около ста лѣтъ честный образъ Богоматери оставался заложнымъ въ стѣнѣ, ни къмъ не зримый, не вѣдомый.

Въ 1702 году 11-го октября Орѣшекъ, переименованный Шведами Нотембургомъ, снова перешелъ въ руки русскихъ и названъ Шлиссельбургомъ. Самъ Петръ Великій распорядился осадю крѣпости и, видя неудачный штурмъ и приступъ фельдмаршала Голицына и другихъ смѣльчаковъ, приказалъ имъ отступить, но доблестный герой смѣло отвѣтилъ посланному: «скажи Государю, что теперь я принадлежу не Петру, но Богу» и, бросившись на приступъ, взялъ крѣпость. Не былъ-ли этотъ поступокъ Голицына внушенъ небеснымъ руководствомъ и защитой при явной опасности? Смѣю полагать, что небесная Заступница укрѣпила, воодушевила героевъ и

своею помощію содѣйствовала тому, что крѣпость снова сдѣлалась обиталищемъ православныхъ.

О днѣ обрѣтенія св. иконы не сохранилось письменныхъ документовъ, но общее единогласное преданіе и письменное заявленіе лица, видѣвшаго самое мѣсто, гдѣ обрѣтена св. икона, ясно свидѣтельствуютъ, что обрѣтеніе было вскорѣ по завоеваніи крѣпости. Самое мѣсто въ стѣнѣ алтаря, бывшей кирки, гдѣ была замурована св. икона, какъ гласитъ преданіе, было постоянно влажно, точно слезы просачивались сквозь камень. Не зная причины, на стѣнѣ не однократно возобновляли штукатурку и окраску, но это не помогало. А въ одну изъ темныхъ ночей, вскорѣ по завоеваніи крѣпости, часовой, стоя на своемъ посту, замѣтилъ какой то необыкновенный свѣтъ, выходящій, какъ ему показалось, изъ стѣны бывшей шведской кирки. На утро онъ рассказалъ своимъ товарищамъ и вся крѣпость узнала о странномъ видѣніи. Между тѣмъ въ стѣнѣ образовалась трещина, въ которую узрѣли хранившуюся тамъ св. икону. Св. икона носила на себѣ всѣ признаки древности и была почти въ такомъ же видѣ, какъ и теперь, чрезъ 185 лѣтъ.

Благоговѣйное всеобщее чествованіе св. иконы, благодарныя приношенія и привѣсы ясно говорятъ о благодатныхъ чудотворныхъ дѣйствіяхъ, неоскудно исходящихъ на всѣхъ съ вѣрою притекающихъ къ Ея честному образу. Разказы о многихъ случаяхъ чудесныхъ исцѣленій переходятъ изъ устъ въ уста, отъ предковъ къ потомкамъ. А крестный ходъ 8-го іюля, установленный съ разрѣшенія Правительства, указываетъ на случай наглядной небесной помощи, оказанной чрезъ св. икону жителямъ Шлиссельбурга и окрестныхъ мѣстностей, въ минувшемъ и нынѣшнемъ столѣтіяхъ, во время эпидемій и холерныхъ годовъ.

Но Сознавая неоскудныя милости отъ честныя иконы—къ Богородицѣ прилѣжно нынѣ притецемъ, въ покаяніи зовуще изъ глубины души: Владычице, помози на ны милосердовавши!

Протоіерей **Флоринскій**

Персть Божій.

(Разсказъ очевидца-священника).

(Окончаніе).

V.

Самыми близкими людьми послѣ жены остались у о. Василия старушка Прасковья, кормившая и оберегавшая его, какъ родная мать, да церковный сторожъ Степанъ Кострица, часто заходившій въ домъ батюшки помогать Прасковѣ въ ея маленькомъ хозяйствѣ, побесѣдовать съ батюшкой, — подѣлиться съ своимъ горемъ.

Много измѣнился Степанъ за послѣдніе два мѣсяца: онъ сильно постарѣлъ, семейное несчастье какъ бы согнуло его. Горе Степана было, дѣйствительно, не маленькое. Старуха его Мотря, частенько прихварывавшая сердцемъ, начала видимо хирѣть, чахнуть съ тѣхъ поръ, какъ убѣдилась, что любимецъ ея Кузьма заштундился и повелъ иную жизнь: «взбѣсился», какъ объ немъ выражался Степанъ о. Василию. Кузьма дѣйствительно бѣсновался; онъ издѣвался надъ заветными вѣрованіями отца и матери, называлъ ихъ идолопоклонниками, нагло глумился надъ предметами православной святыни.

Наконецъ, пользуясь слабостью, беспомощностью матери, онъ собралъ какъ то своихъ единомышленниковъ, явился съ ними въ батькову хату, когда тотъ былъ въ отлучкѣ, изрубилъ образа, не обращая вниманія на вопли и стоны матери, и объявилъ ей при этомъ, что въ хатѣ будутъ «собираться братья и сестры для общенія въ молитвѣ». Степанъ пришелъ въ ужасъ, узнавъ о случившемся; онъ бросился было съ жалобами къ батюшкѣ, къ начальству, но управы «на бѣшеннаго щенка» нигдѣ не нашель; явился было урядникъ, составилъ протоколь, но этимъ дѣло и окончилось. Старуха Мотря не вынесла страшнаго потрясенія и окончательно слегла. Возвратившись какъ то на разсвѣтѣ съ церковнаго погоста, Степанъ засталъ ее мертвую. Кузьма отнесся къ смерти матери безучастно, холодно: точно это былъ для него чужой человѣкъ.

Онъ принималъ участіе въ похоронныхъ хлопотахъ, но отецъ и сынъ видимо избѣгали другъ друга и только въ рѣдкихъ случаяхъ перекидыва-

лись необходимыми словами. Справляя поминки въ тѣсномъ кругу своихъ друзей—односельчанъ, Степанъ поднялъ чарку и, обращаясь къ присутствовавшимъ, дрожащимъ отъ волненія голоса сказалъ: «Дай, Боже, умершей царствіе небесное! Спасибо, добрые люди, что раздѣлили со мною хлѣбъ-соль и мое горе». — «Дай, Господи», отвѣтили тѣ. Степанъ опрокинулъ чарку, обвелъ глазами гостей и, установившись на стоявшаго безучастно у печки Кузьму, сказалъ: «А ты, Кузьма, угнавшій преждевременно въ могилу родную мать, осиротившій меня—калѣку—отца, оплевавшій нашу св. вѣру, пропади съ глазъ моихъ!... проклиная тебя!»...

Дрожь пронизала присутствовавшихъ; произнесенное ужасное слово какъ бы сразило самого Степана: онъ опустился тутъ же на скамью, охватилъ руками свою сѣдую голову и разразился глухими, тяжелыми рыданіями. Гости были поражены, точно громомъ ошеломлены. Когда очнулись, Кузьмы уже не было; никто не замѣтилъ, какъ онъ вышелъ изъ хаты.

Вѣсть о томъ, что на поминкахъ жены Степанъ Кострица проклялъ сына, быстро облетѣла Махаринцы. «Не пройдетъ это Кузьмѣ даромъ: батюшко проклятіе—Божіе проклятіе», говорили православные; «проклятіе Степана падеть на его же голову», говорили штундисты. Вражда между тѣми и другими росла и усиливалась. Степанъ совсѣмъ разошелся съ сыномъ; оставилъ ему родную усадьбу и хату, такъ какъ не могъ помириться съ тѣмъ, чтобы въ домѣ, гдѣ красовались дорогіе ему образа предковъ, поруганные и уничтоженные его роднымъ сыномъ, отправлялась теперь штундовая служба. Дни онъ короталъ то за сподручной работой въ усадьбѣ о. Василя, то у своихъ односельчанъ, а ночь проводилъ на церковномъ погостѣ, обходя церковь и стуча въ колотушку.

Во время церковныхъ службъ Степанъ акуратно исполнялъ обязанности пономаря, когда тотъ былъ въ отлучкѣ или занятъ по хозяйству: звонилъ на колокольнѣ, возжигалъ свѣчи предъ иконами, подавалъ священнику кадило и проч..

Однажды передъ вечеромъ зашелъ Степанъ къ мельнику Остапу побесѣдовать, потужить вмѣстѣ. Съ тѣхъ поръ какъ Кузьма замутилъ и сбиль съ толку мельникову жену, Степанъ почувствовалъ къ старику жалость и состраданіе. Общее горе сблизило, сдружило ихъ, когда онъ совсѣмъ разошелся съ сыномъ. Обездоленный старикъ Остапъ радъ былъ всегда его приходу. Къ мельнику зашло еще пять—шесть пріятелей: они въ компаніи

выпили, закусили; бесѣда велась пріятельская о семь, о томъ, и наконецъ, заговорили о штундѣ. Подогрѣтые щедрой выпивкой радушнаго хозяина, гости порѣшили всей компаніей пойти и разогнать палками изъ Степановой хаты поганую штунду. Такъ и сдѣлали. Утромъ, когда штундисты собрались въ хату для обычнаго молитвословія, явился Степанъ со своими друзьями и, не вступая въ слово пренія, началъ на-право и на-лѣво «чесать» штундистовъ.

— Задавить же тебя сатана у твоего капища за то, что ты гонишь церковь Христову, погрозилъ пресвитерь Степану.

— Аминь—подтвердили штундисты и разошлись озлобленные.

Степанъ не придалъ никакого значенія этой угрозы.

Въ тотъ же день онъ зашелъ къ батюшкѣ подѣлиться подробностями происшествія, такъ какъ о бывшемъ въ Степановой хатѣ побоищѣ о. Василій слышалъ уже въ деревнѣ.

— Не похвалю тебя, Степанъ, за твои рѣчи и твои дѣла, грустно началъ о. Василій, когда тотъ закончилъ свой рассказъ. Я тебѣ и прежде сколько разъ говорилъ, что насиліемъ ты Кузьму не образумишь. Тяжелъ твой крестъ, что и говорить, а нести его слѣдуетъ съ терпѣніемъ; Господь оцѣнитъ твою добродѣтель...; а ты палкою вздумалъ просвѣщать...

Тяжелый кашель захватилъ грудь батюшки и прервалъ его рѣчь.

— Обидно тебѣ, больно, началъ онъ опять, вытирая выступившіе на лбу капли пота и запахивая поплотнѣе полы подрясника, а все же въ сотый разъ повторяю тебѣ: нужно терпѣть, нужно молиться, чтобы Господь просвѣтилъ своей благодатью его помраченный разумъ....

Кашель опять прервалъ рѣчь о. Василія. Молча слушалъ Степанъ батюшку, сидя напротивъ его на обрубкѣ дерева, спрятанный въ тѣни развѣсистой липы. Замокъ и о. Василій. Онъ поднялъ къ небу свои грустные очи и застылъ въ нѣмой молитвѣ. Луна по прежнему гуляла по небу, какъ утлая ладья отважнаго пловца, въ волнахъ безбрежнаго океана, то ныряя въ бездну перистыхъ облаковъ, то показываясь наружу во всей своей красѣ, и матовымъ серебристымъ свѣтомъ обливала уснувшую землю; деревья чуть-чуть перешептывались съ ласкавшихъ ихъ вѣтромъ, да легкая зыбь зеркальнаго пруда дробила мириады звѣздъ въ водной пучинѣ, какъ бы играя драгоценными камнями. О. Василій тяжело вздохнулъ и зашевелился.

— Тяжелое испытаніе послалъ Господь за грѣхи наши, произнесъ онъ, какъ бы въ раздумьѣ, и опять замолкъ.

Молчалъ и Степанъ. Онъ проникался невольно все болѣе и болѣе настроеніемъ батюшки; онъ чувствовалъ себя кругомъ виноватымъ. Скрипнула дверь, изъ-за темнаго угла дома показалась Прасковья съ большимъ платкомъ на плечахъ, вся облитая свѣтомъ луны.

— Батюшка! а батюшка! окликнула старуха, подходя ближе.

— Что тебѣ, Прасковья! отозвался о. Василій, поворачивая къ ней голову.

— Пора, родимый, въ горницу; сырость прохватить, пуще хворать станешь. Докторъ то что говоритъ?...

— Да и тебѣ пора въ церковь, шураясь въ темноту, гдѣ сидѣлъ Степанъ, укоризненно сказала старуха.

Измучилъ батюшку, точно дня для тебя не было....

— Простите, батюшка, сказалъ Степанъ, подымаясь и подходя подѣ благословеніе, сердце у меня запеклось,—не утерпѣлъ.

— Да, опечалилъ ты меня, сказалъ о. Василій и также поднялся.

— Ну, иди съ Богомъ, да укрѣпите тебя Господь, сказалъ онъ благословляя Степана.

— Теперь, вотъ, послушалъ васъ, батюшка, вижу очень виновать: зломъ зла не уничтожишь, что и говорить... А вотъ какъ найдеть на тебя... какъ начнешь передумывать, сколько зла Кузьма причинилъ, сколько горя принесъ мнѣ... такъ кулаки сжимаются, задушилъ бы, кажется, скайянаго... О. Василій хотѣлъ что то возразить, но кашель прервалъ его.

— Отпусти его, батюшка, пора, постелька давно тебя дожидается, нетерпѣливо замѣтила добрая старушка.

— Иду, иду, успокоилъ онъ ее, оправляясь. Вотъ сейчасъ.... погоди... Что же, мельникъ, помнишь ты мнѣ сказывалъ, угомонилась жена, образумилась? вспомнилъ о. Василій.

— Гдѣ тамъ? батюшка,—точно бѣлены обѣлась.

— Слыхала я сегодня, отвѣтила Прасковья: сошлась какъ то родня Остапова и позвали Меланію, начали усовѣщевать ее, стыдить, какъ, молъ, не грѣхъ, не стыдъ тебѣ, при законномъ мужѣ мутить, съ штундой пугаться, законъ, вѣру православную топтать, а она зарядила свое да и уперлась на немъ: «какой, говоритъ, онъ мнѣ мужъ, коли я не по закону съ нимъ вѣнчана, блудница я была, черезъ то Богъ и дѣтей мнѣ не давалъ; Кузьма Кострица—мой мужъ, потому братія соборомъ благословили»... ну и все такое... И откуда, подумаешь, наберется это у бабы?! Ну ужъ му-

жикъ мудрить, а то и баба туда-же... Тьфу!... прости, Господи—и «жаба-мясо»! и Прасковья сердито сплюнула.

— Такъ она совсѣмъ оставила мужа? спросилъ о. Василій. Какъ же теперъ Остапъ? вѣдь хозяйство у него большое было.

— Какъ баба ушла со двора, такъ онъ бѣдняга на хозяйство и рукой махнулъ. Хлѣбъ добрые люди съ половины собираютъ; мельницу хочетъ продать,—горе одно безъ хозяйки! закончилъ Степанъ, подходя опять къ рукъ батюшки.

Мучительно больно сжалось сердце о. Василія, онъ ничего не возразилъ, только судорогой перекосилось его блѣдное исхудавшее лицо. Степанъ направился къ церкви. О. Василій обвелъ глазами сводъ небесный, осѣнилъ грудь крестомъ и молча пошелъ за Прасковьей, обогнулъ уголь дома и скрылся въ сѣняхъ.

VI.

Подъ тяжелымъ темнымъ покровомъ глубокой ночи спятъ Махаринцы. Тишину деревенской ночи нарушаетъ только церковный сторожъ, однообразно постукивая колотушкой, да откуда то съ конца села доносится лай потревоженной собаки. Уже десятый годъ стучитъ Степанъ въ свою колотушку, свыкнулся онъ, сроднился съ своимъ занятіемъ и обстановкой церковнаго погоста.

Акуратно въ продолженіе ночи обходилъ онъ церковь и стучалъ въ свою доску съ какимъ то благоговѣніемъ. Привычныя руки производили своеобразное «тукъ-тукъ», а старческія губы шептали: «Помилуй мя, Боже, по велицѣ»... Вотъ онъ въ эту ночь обошелъ разъ церковь, обошелъ другой; при поворотѣ за церковь въ третій разъ, старикъ былъ неожиданно удивленъ какимъ то шумомъ и возней за церковной оградой. Едва онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по направленію шума, какъ нѣчто черное, похожее на собаку, съ длиннымъ бѣлымъ хвостомъ перепрыгнуло ограду, перебѣжало паперть и быстро исчезло при поворотѣ за церковь. Не успѣлъ Степанъ опомниться отъ неожиданности, какъ изъ-за церкви послышался страшный визгъ и храпъ, точно человѣка душили за горло. Осѣнивъ себя крестомъ, оторопѣлый Степанъ бросился туда; но едва онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, какъ у ногъ его шмыгнула черная кошка, а изъ-за

церкви показалась громадная фигура человѣка,—вся въ бѣломъ. Старикъ обомлѣлъ отъ ужаса; колотушка выпала у него изъ рукъ, волосы поднялись дыбомъ, шапка лѣзла съ головы.

— Кто ты?! окликнулъ Степанъ. Отвѣта не было. Фигура двигалась медленно прямо на него; висѣвшія прежде, какъ плети, длинныя бѣлыя руки поднимались и, казалось, хотѣли охватить несчастнаго. Въ нѣмомъ ужасѣ Степанъ бросился назадъ, вбѣжалъ въ сторожку и заперъ за собой дверь на задвижку. Долго не могъ старикъ успокоиться: ему слышался страшный визгъ, то ему представлялась ужасная фигура въ бѣломъ, то собака съ бѣлымъ трехъаршиннымъ хвостомъ. Кровь страшно стучала въ вискахъ, руки и ноги дрожали. Вотъ онъ старается успокоиться и прислушивается. Вездѣ тихо; но ему чудится, что за нимъ вбѣжала черная кошка; вотъ она шевелится у ногъ его и лѣзетъ подъ тулупъ. Степанъ быстро поднимается на ноги, встряхиваетъ тулупъ, крестится, креститъ углы, потолокъ и двери сторожки.

— Дѣду, дѣду! раздалось вдругъ у его дверей.

Степанъ встрепенулся и хватился рукой за задвижку.

— Кто тамъ? спросилъ Степанъ.

— Я—Омелько, былъ отвѣтъ—впустите!

— Кто ты? недовѣрчиво переспросилъ Степанъ.

— Да я же, сосѣдъ Омелько—«вѣрующій».

— Да чего же ты тутъ? удивился Степанъ.

— Зашелъ по дорогѣ провѣдать васъ.

Степанъ подумалъ, подумалъ и впустилъ въ дверь штундиста.

— Что это вы, дѣду, боялись впускать, и голоса моего не узнали? сказалъ Омелько, усаживаясь возлѣ дѣда.

— Да ты скажи толкомъ, гдѣ бродилъ ночью? спросилъ Степанъ въ свою очередь.

— На одрѣ болѣзни Кондрата навѣшалъ, да словомъ Божиимъ утѣшалъ, отвѣтилъ штундистъ, и глубоко вздохнулъ.

Вздохнулъ и Степанъ и оба замолчали.

— Не страшно вамъ тутъ? началъ штундистъ.

— Чего? Въ церкви денегъ нѣтъ,—всякій то знаетъ... а больше...

— А нечистый не пугаетъ? Мертвые не душатъ?

— Богъ хранилъ... вотъ сегодня только, ... началъ было Степанъ и умолкъ.

— Что же сегодня? встрепенулся штундистъ.

— Не знаю, какъ тебѣ разказать: какая то собака и кошка шмыгали черезъ погостъ, визгъ, храпъ, чего прежде не слыхалъ и не видалъ.

— Нечистая сила, пояснилъ штундистъ, попушеніе Божіе; еще что-нибудь? понукивалъ штундистъ, замѣчая неохоту Степана продолжать разговоръ.

— Вотъ бѣлое что то показалось; старъ ужъ я и плохо вижу, да и грѣшникъ большой къ тому же. О, грѣхи наши тяжкіе, вздохнулъ старикъ и замолкъ.

— Покаяться бы намъ пора, дѣдушка, наставительно началъ штундистъ, да хоть на старости лѣтъ вступить на путь истинный; Кузьма то вашъ въ юности благое обрѣлъ....

— Будетъ съ тебя, перебилъ его Степанъ. Не пойду я на путь вашей истины.

— Не пойдете?

— Не пойду! рѣшительно заявилъ Степанъ.

— Такъ знайте же, дѣду, что вы сами погибель себѣ уготовляете: напуститъ Господь на васъ злого духа, тутъ же—у сего капища; будетъ васъ мучить и задавить какъ шеня!.. Омелько на вѣтеръ словъ не говорить.

Штундистъ быстро поднялся и скрылся за дверь сторожки.

— Боже мой, Боже! стоналъ Степанъ, переворачиваясь съ бока на бокъ.

Впечатлѣнія ночи гнѣздились въ головѣ его, зловѣщія слова штундиста звучали у него въ ушахъ. Послѣ неудачной попытки забыться, заснуть, онъ вышелъ на паперть. Недавно поднимавшая луна слабо освѣщала землю и придавала всему окружающему какой то таинственный видъ. Въ селѣ перекликались пѣтухи, разсвѣтъ брезжалъ на восточномъ небосклонѣ. Степанъ хватился колотушки, но вспомнивъ, гдѣ обронилъ ее, не пошелъ отыскивать; онъ подозрительно осмотрѣлся кругомъ, оперся на косякъ двери и задумался. «Что это могло быть? собака,—не собака,—хвостъ не такой; опять этотъ визгъ... это бѣлое»...

«Господи! мѣсто это святое, а такая нечисть водится, а что, какъ я ошибаюсь, а что какъ Омелько говорить правду? Кузьма мой юный благодати сподобился, мелькнула у него фраза штундиста..., а я... Боже мой милостивый! наставь же меня!» [взмолился старикъ и червь сомнѣнья

впервые ущемилъ его простодушное сердце. Остатокъ ночи Степанъ заснуть не могъ и съ разсвѣтомъ вышелъ за церковную ограду. Весь день онъ бродилъ по деревнѣ, скучный, неразговорчивый, сморщенный лобъ и нависшія брови показывали, что старика томить горькая дума. Заходилъ онъ раза два къ батюшкѣ. О. Василій былъ въ отлучкѣ въ сосѣдней деревнѣ. Солнце уже садилось, когда Степанъ опять зашелъ туда. «Все ему, какъ на духу расскажу», рѣшилъ Степанъ, но батюшка все еще не возвращался. Прасковья предложила ему поѣсть что-либо. Степанъ хлѣбнулъ нѣсколько ложекъ молча и собрался уходить.—

— Что ты сегодня какой то странный, захворалъ что-ли? освѣдомилась старуха.

— И самъ не знаю, нехотя отвѣтилъ Степанъ, туча какая то на сердцѣ, такъ вотъ сосеть и сосеть...

Прасковья, хлопотавшая у печки, посмотрѣла на него вскозь, но ничего не сказала. Степанъ остановился въ нерѣшительности и молча вертѣлъ въ рукахъ свою истрепанную шапку. Ему хотѣлось подѣлиться со старухой впечатлѣніями пережитой ночи, своими горькими думами; онъ еще никому объ этомъ не говорилъ, но слова не шли на языкъ: онъ точно стыдился, точно боялся чего.

Прасковья всполоснула горшокъ, поставила его на припечкѣ, вытерла руки и, выправляя старческую спину, взглянула на Степана.

— Да ты и въ правду боленъ, замѣтила она участливо, глаза у тебя точно втянуло, сосеть? говоришь.

— Сосеть,—дышать тяжело,... опять... туча какая то на сердцѣ..., говорю тебѣ... что вотъ...

— Это отъ сердца, кровь значить, рѣшила Прасковья. Покойная матушка, царствіе ей небесное, капли такія давала;—какъ рукой бывало снимать... Ты бы къ Тимошенку зашелъ,—онъ бы тебѣ что отъ крови далъ, посоветовала старуха, поправляя съѣхавшій было на затылокъ головной уборъ.

Степанъ ничего на это не замѣтилъ: онъ молча опустился на лавку и, тяжело вздохнувъ, установился въ землю.

— Вотъ и батюшка нашъ плохъ совѣмъ становится, начала Прасковья, присаживаясь рядомъ и принимаясь чистить какое то перье. Ночь почти безъ сна провель; я сколько разъ заглядывала потихоньку въ горницу, лампу потушилъ, думаю, спать..., а глядь къ нему,—лампадка горитъ, а

онъ смотритъ на образъ такъ грустно, печально... а глаза большіе такіе, что угли каменные блестятъ. Сегодня чуть свѣтъ въ Кучковку позвали— слѣдство тамъ на штундовъ наѣхало какое то; я начала было его просить хоть чайку откушать, потому, известно, хворый человекъ, точно съ креста снятый. «Спасибо, говорить, няня,—не могу: голова моя болить, тошнить да и къ о. Петру заѣхать пораньше надо». Томится сердечный,—волнуется, продолжала старуха, немного помолчавъ. «Свое то горе на сердце камнемъ лежитъ, а тутъ эта самая братія штундовая донимаетъ... Такъ и лѣзетъ въ глаза, такъ и лѣзетъ:—хуже осы... старуха смолкла,—молчалъ и Степанъ.

—А что, начала Прасковья, ничего не слыхалъ про Кузьму?

—Да что ему стало? все тотъ же, сказалъ Степанъ и поднялся съ мѣста.

—Ну что надумалъ? спросила Прасковья.

—Да ничего—душно у тебя здѣсь, сказалъ Степанъ, и направился къ двери.

—Да ты сходи же непременно къ Тимошенку,—это у тебя все отъ крови.

Степанъ ничего не возразилъ и вышелъ изъ хаты.

VII.

Тимошенко, сверстникъ Степана, бывший когда-то ротнымъ фельдшеромъ, дѣлился охотно съ своими односельчанами своими скудными медицинскими знаніями. Степанъ зналъ, что въ его болѣзни Тимошенко не поможетъ, только объ этомъ онъ не хотѣлъ сказать Прасковьѣ: «известно баба, думалъ онъ, раззвонить по селу, да и своего прикладеть и пойдутъ чесать языками», но онъ любилъ «покалякать» съ Тимошенкомъ, вспомнить старину, совмѣстную солдатскую жизнь на Кавказѣ, подѣлиться деревенскими новостями. О происшествіи минувшей ночи онъ рѣшилъ, однако, и ему не говорить. Тимошенко былъ вдовецъ. Единственная ея дочь Настя, жившая при немъ съ мужемъ, годъ тому назадъ «заштундилась» и увлекла за собою мужа. Тимошенко повелъ было упорную войну съ дѣтьми изъ—за вѣры, но, видя полную безуспѣшность, махнулъ рукой и хотя остался съ ними подъ одной кровлей, но жилъ особнякомъ,—по своему. Онъ очень любилъ рыбную ловлю,

охоту и по цѣлымъ днямъ пропадалъ то съ ружьемъ, то съ удочкой. Выдавая дочь замужъ, онъ уступилъ зятю усадьбу, выговоривъ себѣ только до смерти выдавать ему извѣстную сумму и кормить его. Характера онъ былъ спокойнаго, покладистаго. Любилъ въ компаніи посидѣть, побалагурить; часто въ бесѣдахъ съ пылкимъ и горячимъ Степаномъ, когда тотъ рассказывалъ ему про какую нибудь мерзость своего Кузьмы и горячился, говорилъ ему: «плюнь ты, Степанъ, на своего Кузьму, какъ я плюнулъ на своихъ,—не стоитъ, право, да и не нашего ума это дѣло, чтобы тягаться съ ними: мы съ тобой въ грамотѣ мало смыслимъ, дальше часослова не ходимъ, станемъ спорить—осраимся только; пробовалъ уже я не разъ—куда намъ! языки у нихъ, что штыки точеные—такъ и колютъ, а мы съ тобой «тяпъ да тяпъ»—да все холостыми патронами, кампанію то мы и проигрываемъ». Степанъ соглашался съ доводами пріятели, но по натурѣ своей не могъ мириться съ положеніемъ вещей. Въ хатѣ Тимошенка уже мерцалъ огонекъ, когда Степанъ вошелъ туда.

—Дома Марко? спросилъ онъ, здороваясь съ хозяевами и остановившись у порога.

—Нѣтъ, отвѣтила Настя, но скоро будетъ. Садитесь—гостемъ будете—вотъ и вечера у насъ на столѣ.

Степанъ стоялъ въ нерѣшительности, приглаживая рукой свои сѣдые волосы.

—Садитесь, дѣдушка, садитесь! чего-же вы? мы не кусаемся, сказалъ штундистъ.

Степанъ поблагодарилъ, но отъ ужина отказался. Онъ присѣлъ на скамью у порога, оперся руками на свою ключку и положилъ на нихъ голову.

—Ну не хотите,—Богъ съ вами, будемъ сами трапезовать, и супруги молча принялись за ужинъ.

Прошло нѣсколько минутъ; скрипнула дверь и на порогъ показался Кузьма.

—Миръ дому сему! привѣтствовалъ онъ, снимая шапку.

—Аминь! отвѣтили въ одинъ голосъ хозяева.

Кузьма, замѣтивъ согбенную фигуру человѣка, покосился на него и вопросительно взглянулъ на хозяевъ.

— Не узналъ? да это батько твой, пояснила Настя, своего товарища дожидается.

Степанъ поднялъ голову и встрѣтился глазами съ сыномъ.

— Что же это вы, батько, не идете играть на своей скрипкѣ? обратился Кузьма и переглянулся съ хозяевами.

— Можетъ быть, струны порвались, сострила Настя и засмѣялась.

Степанъ молча поднялся съ мѣста.

— Идите, батьку, идите — пора, играйте да креститесь, креститесь да играйте.

Старикъ ничего не отвѣтилъ на дерзость сына; нахлобучивъ шапку, онъ вышелъ изъ хаты. Притихшее было непріязненное чувство къ сыну, всколыхнулось и какъ бы встряхнуло его. Степанъ бодрой поступью направился къ церкви. Вотъ онъ перешелъ плотину; поднялся на пригорокъ, на которомъ помѣщалась церковь, и взялся за ручку у калитки, но тутъ имъ овладѣла робость. Передъ нимъ возстали впечатлѣнія прошлой ночи и ему вспомнились зловѣщія слова Омелька. Послѣ нѣкотораго колебанія старикъ осилилъ свою робость: онъ тщательно заперъ за собою калитку и, обогнавъ церковь, принялся искать оброненную колотушку. Ночь была темная; Степанъ долго лазилъ на колѣняхъ, ощупывалъ руками весь церковный погостъ, — но напрасно. Отложивъ поиски до утра, онъ постучалъ палкой въ церковную ограду и, завернувшись плотнѣе въ тулупъ, присѣлъ у церкви отдохнуть. Усталый, измученный бессонницей прошлой ночи, старикъ скоро заснулъ. Долго ли онъ спалъ, не знаетъ, но его разбудилъ шумъ и свистъ, — сквозь сонъ ему какъ бы почудились знакомые звуки колотушки; когда онъ открылъ глаза, ему представилось нѣчто ужасное. Сквозь сумракъ ночи Степанъ хорошо различалъ человѣческія фигуры въ бѣлыхъ саванахъ, которыя кружились, прыгали въ его сторожкѣ. Онъ уставился глазами, самъ не зная, что это: сонъ или дѣйствительность. Вотъ фигуры въ саванахъ остановились, но, вдругъ, — раздался свистъ, стукъ колотушки и фигуры закружились въ бѣшеной пляскѣ. Степанъ обомлѣлъ отъ ужаса; сердце его страшно билось, кровь бросилась въ голову; онъ пробовалъ молиться — не могъ, осѣнялъ крестомъ видѣнія, но оргія не унималась. Съ дикимъ крикомъ бросился несчастный къ калиткѣ, но силы его оставили: сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, онъ лишился чувствъ и, какъ подкошенный, свалился на церковномъ погостѣ.

VIII.

Взошло яркое лѣтнее солнце. Деревня проснулась: скрипѣли ворота, слышались оклики бабъ, выгонявшихъ въ поле скотину, гдѣ то лязгала о точило коса, по дворахъ кудахтали куры. Жизнь суетная, полная заботы о хлѣбѣ насущномъ, вступала въ свои права. О. Василій, вернувшійся ночью изъ поѣздки, разбитый, измученный, не могъ заснуть. Едва занялась заря, онъ вышелъ въ свой любимый садикъ и, стоя въ тѣни вишневаго дерева, молился на чистое небо. Онъ любилъ природу, онъ находилъ большое наслажденіе въ общеніи съ ней. Стоя на молитвѣ среди роскошной зелени, подъ звонкіе голоса проснувшихся птицъ, согрѣтый утреннимъ воздухомъ, о. Василій чувствовалъ, какъ могучая живительная сила міровой жизни наполняетъ его больную грудь, освѣжаетъ, ободряетъ его; проникаясь благоговѣніемъ къ Творцу, онъ какъ бы отрѣшался отъ земли съ ея суетностью и работами, забывался въ восторгѣ высокаго молитвеннаго наслажденія. О. Василій, только что окончивъ молитву, направился было къ дому, какъ на встрѣчу ему бросилась вся запыхавшаяся Прасковья.

— Что ты, няня?

— Бѣда, батюшка, Степанъ умираетъ! Вотъ сейчасъ посланецъ прибѣгалъ, что-бы напутствовать; я корову выгоняла, а онъ мнѣ навстрѣчу попался, скорѣе, говорить, батюшку проси, ну, а я бѣгомъ.

— Гдѣ же онъ? спросилъ о. Василій.

— У себя, батюшка, у Кузьмы, т. е. у штунды, пояснила Прасковья, переводя духъ и утирая рукавомъ вспотѣвшій лобъ.

Черезъ нѣсколько минутъ о. Василій, блѣднѣе обыкновеннаго, шагаль по узкой тропинкѣ по направленію къ знакомой усадьбѣ. Потертая ряса его, раздуваемая вѣтромъ, трепалась о придорожные колючки и кусты, крупныя капли пота струились по лицу, но онъ не замѣчалъ этого; лѣвой рукой онъ держался за грудь, правая была занята узелкомъ. О. Василій торопился; больную грудь его захватывало отъ скорой ходьбы, сердце у него страшно билось; онъ боялся, что не поспѣетъ, что Степанъ умретъ неразрѣшенный, не напутствованный.

Степанъ очнулся часъ тому назадъ и открылъ глаза. Осмотрѣвшись кругомъ помутившимся взоромъ, онъ очевидно не понималъ ясно, гдѣ онъ. За столомъ возлѣ него сидѣли штундисты, пресвитеръ читалъ «слово Бо-

жіе», Кузьма стоялъ у постели и тревожнымъ взглядомъ слѣдилъ за очнувшимся отцомъ; у двери въ сѣняхъ и на дворѣ толпились любопытные. Степанъ пробовалъ приподняться, но не могъ и только, повернувшись къ стѣнѣ, произнесъ: «батюшку!»

— Батюшку, батюшку! раздалось въ сѣняхъ въ толпѣ.

— Не нужно, не нужно батюшки, громко заявилъ пресвитеръ, — онъ нашъ!

Толпа зашевелилась, заволновалась. «Батюшку! Батюшку!» кричали одни. «Не надо! Не пустимъ!» Кричали другіе. «Послали уже», кричалъ кто-то. Но вотъ волненіе улеглось; толпа притихла, — насторожилась. Громко раздавалось монотонное чтеніе пресвитера, въ толпѣ одни шептались, другіе о чемъ то спорили, иные молча вытирали катившіяся слезы. Больной лежалъ тихо, точно мертвый, только по слабому движенію плеча можно было заключить, что онъ дышетъ. «Батюшка идетъ! Батюшка идетъ!» гдѣ то далеко слышались голоса и волной хлынули въ переполненную хату. Толпа опять всколыхнулась, заволновалась. Пресвитеръ, высокій, плотный мужикъ съ блѣднымъ лицомъ, окаймленнымъ жиденькой рыжеватой растительностью и глубоко-сидящими въ орбитѣ, какъ бы стальными, холодными глазами, поднялся съ своего мѣста, его примѣру послѣдовали и другіе штундисты.

— Не надо, не надо! заревѣли штундисты, онъ нашъ!

— Вонъ! поганцы, антихристы, вонъ! Бей ихъ! закричали въ толпѣ.

О. Василий входилъ во дворъ, онъ былъ блѣдень, какъ мраморъ, глаза горѣли огнемъ.

— «Дайте дорогу! Пустите батюшку!» кричали въ толпѣ.

— Не пустимъ! гаркнули штундисты. Не надо!

Степанъ быстро приподнялся на постели, торопливо оглянулся кругомъ и съ страшнымъ ужасомъ на лицѣ и съ дикимъ крикомъ бросился къ выходу.

Толпа разступилась. Видъ Степана былъ ужасенъ. Съ дикимъ ревомъ онъ бросился на перваго попавшагося ему на встрѣчу, вѣднися въ грудь и закричалъ: «А! опять душишь меня! Отдайте мнѣ мою колотушку? Я играть буду.... играть!... У!»... Несчастному захватило дыханіе; онъ грохнулся на порогъ избы и забился въ судорогахъ, на губахъ выступила кровавая пѣна. Какъ спугнутая стая воробьевъ, толпа шарахнулась въ разныя стороны.

— «Батюшку! Батюшку! помираетъ человекъ... задыхается! Воды, воды!»

Кто-то бросился къ Степану и облилъ его ведромъ воды. Большой вздохнулъ, вытянулся во весь ростъ и затихъ. Застывшіе, широко открытые глаза его, съ ужасомъ глядѣли на покинутый міръ. О. Василій опустился на колѣни, тихо прочиталъ молитву и благословилъ покойника. Онъ поднялся, шатаясь, хотѣлъ было что-то сказать, но силы его оставили и онъ въ глубокомъ обморокѣ свалился на руки близъ стоящихъ крестьянъ.

IX.

Прошло три дня. Пріѣхалъ сосѣдній священникъ и Степана похоронили. Штундисты не только уже не препятствовали, но они, очевидно, смущенные происшедшимъ, точно попрятались, — не встрѣчались на селѣ. О. Василій лежалъ въ своей горенкѣ, — онъ былъ неподвиженъ; глаза его померкли, какъ искры подъ пепломъ догораваго огня. Послѣ похоронъ Степана, священникъ заѣхалъ къ о. Василю и напутствовалъ его.

На предложеніе его послать за врачомъ, больной рѣшительно запротестовалъ.

— Дни мои сочтены, слабымъ прерывающимся шопотомъ говорилъ о. Василій, — я это чувствую.... да и желанія жить у меня нѣтъ.... Для жизни полезной я уже не гожусь, время трудное настало для пастыря Христова стада, требуются дѣятели.... а я.... больной закашлялся и впалъ въ забытіе.

Священникъ посидѣлъ, повздыхалъ и, наказавъ Прасковью «на случай чего» дать знать ему, — тихо удалился. Группа прихожанъ, нетерпѣливо ожидавшая его въ сѣняхъ и у крылечка, обнажила головы и подошла подъ благословеніе. «Что, батюшка, какъ нашъ о. Василій? какъ чувствуетъ себя? Есть ли надежда?» Вопросы эти, полные скорби и участія, такъ и посыпались кругомъ.

— «Все въ волѣ Божіей», тяжело вздохнувъ, произнесъ священникъ, не зная, что сказать въ утѣшеніе.

— Боже милостивый! пошли ты ему.... Голубчикъ, ты нашъ! Печальникъ, наставникъ ты, нашъ!» послышались возгласы и всхлипыванія.

— «Тише, тише! православные», успокоивалъ священникъ, «заснулъ, какъ жись, не потревожили бы».

— «Доктора бы», предложилъ кто то.

— Не желаетъ, былъ отвѣтъ.

— Не мило, стало быть, житье среди насъ, окаянныхъ; заштундился мы, запаршивѣли, послышался голосъ.

— Да, не желаетъ доктора, повторилъ священникъ, вотъ бы только ему покой.

— Да ужъ, именно, покой, произнесъ старикъ крестьянинъ, весь вѣкъ свой мечется онъ среди насъ, никогда отдыха не имѣлъ, обо всемъ заботился, обо всемъ печаловался, горѣлъ какъ «страстная свѣча». «И матушка покойная, «царствіе ей небесное, такъ же вотъ, все на людяхъ бывала», вставила старуха.

— Знаю, знаю, слыхиваль, подтвердилъ батюшка. Ну, не тужите, Богъ милостивъ, успокоиваль онъ, видимо торопясь отъѣздомъ; молиться нужно, посовѣтоваль онъ, садясь въ повозку.

— Пошли ему, Господи! подыми его, Милосердый! послышалось въ толпѣ; и молебны паствы объ умирающемъ пастырѣ стономъ понеслись къ милосердому Богу.

X.

Прошло пятнадцать лѣтъ. Былъ конецъ декабря. Тотъ, кто зналъ Махаринцы, нашелъ бы въ нихъ большія перемѣны. Появились новыя улицы и новыя избы, прежнія убогія хатенки села кое-гдѣ перестроены или замѣнены новыми съ крашеными ставнями и высокими досчатыми трубами. Зеркальный Махаринскій прудъ, кишѣвшій когда то разной рыбой, обмелѣлъ и почти высохъ, и только торчащей изъ подъ снѣга высокій густой камышъ, да кое-гдѣ одиноко стоявшія корявыя липы и вязы напоминали, что здѣсь былъ прудъ и у береговъ его росъ роскошный темнозеленый лѣсъ. Тамъ, гдѣ была мельница, гдѣ днемъ и ночью шумѣла и бурлила водяная стихія, давно уже тихо. Отъ мельницы осталось только нѣсколько обгорѣлыхъ пней, рѣзко пестрѣвшихъ издали черными верхушками надъ свѣжнымъ пологомъ. Высокая, стройная когда то, какъ молодой тополь, колокольня, игравшая на солнцѣ своимъ бѣлымъ куполомъ, постарѣла, покосилась и потемнѣла; измѣнилась и ея сверстница—о бокъ стоящая приходская церковь: стала какъ бы меньше и ниже; прожитые годы точно придавили, пригнули ее къ землѣ и она печально смотрѣла теперь на окружающій міръ своими потемнѣвшими оконцами. Тутъ же на церковномъ погостѣ, подъ чернымъ когда то, теперь порыжевшимъ отъ времени и осен-

нихъ непогодъ, крестомъ, вѣчнымъ сномъ покоится о. Василій, прожившій всего нѣсколько дней послѣ памятнаго событія. Много изъ махаринскихъ обывателей, молодыхъ и старыхъ, улеглось на мѣстномъ кладбищѣ; покоятся тамъ старушка Прасковья, умершая въ одномъ году съ батюшкой, старикъ Тимошенко и мельникъ Остапъ. Послѣ того какъ жена связалась съ Кузьмой и бросила его, бѣдняга затосковалъ, запилъ горькую и черезъ полтора года Богу душу отдалъ. Послѣ смерти мельника начались споры о наслѣдствѣ; «миръ» рѣшилъ не допускать распутную и заштундившуюся Меланью до обладанія наслѣдствомъ послѣ мужа; вдова запротестовала, жаловалась начальству. Пока велись споры да переписка съ городомъ, въ одну изъ темныхъ ночей зданіе мельницы вспыхнуло пламенемъ, которое перешло на близъ стоявшія усадебныя постройки, и къ утру ужасная стихія порѣшила спорный вопросъ о наслѣдствѣ мельника Остапа. Днемъ уже, когда растягивали баграми дымившіяся бревна, въ сѣняхъ хаты Остапа, въ погребѣ, служившемъ для склада овощей, нашли наполовину обгорѣвшій и обезображенный трупъ, въ которомъ узнали жену покойнаго мельника Меланю. Какъ она попала въ погребъ, никто рѣшить не могъ. Кузьма отнесся видимо равнодушно къ смерти своей возлюбленной. Въ характерѣ его произошла переменна: со смерти отца онъ сдѣлался скучный, апатичный ко всему тому, чѣмъ прежде жилъ, чѣмъ увлекался. Къ штундистамъ онъ относился почти враждебно; часто критиковалъ ихъ религіозныя обряды, издѣвался надъ разными ихъ новшествами и пересталъ посѣщать ихъ собранія. Въ церковь православную онъ также не ходилъ. «Сбился съ панталыку, скрутился; отъ одного берега отбился—до другого не присталъ», говорили о немъ въ Махаринцахъ. Въ ту же осень онъ тянулъ жребій и попалъ на службу въ далекій уголокъ Россіи. Родни у Кузьмы было не много, пріятелей также, а потому прошли годы и въ Махаринцахъ о немъ совсѣмъ забыли, хотя смуты, произведенные этимъ фанатикомъ штундистомъ въ области религіозно-правственной, семейной и общественной жизни, какъ тяжелый недугъ, надолго оставили слѣды среди махаринскихъ крестьянъ. Однако, чѣмъ дальше шло время, тѣмъ число штундистовъ уменьшалось все болѣе и болѣе; «новая вѣра» потеряла прелесть новизны; начались разочарованія и махаринскіе штундисты стали возвращаться въ православіе.

Рождественскими праздниками, въ раннее зимнее утро, когда махаринскіе обыватели съ разныхъ концовъ села потянулись въ приходскій храмъ, разнесся слухъ, что наканунѣ вечеромъ пріѣхалъ со станціи желѣзной дороги

Кузьма Кострица и что онъ ночуетъ въ батьковой хатѣ, въ которой, со времени ухода его въ военную службу, поселился дядько его Пахомъ. Тѣ, которые видѣли его, передавали, что Кузьма очень измѣнился: возмужалъ, обросъ бородой, потолстѣлъ; одѣтъ такъ, что, не назовись онъ самъ, никто не призналъ бы въ немъ своего земляка. Говорили, что привезъ денегъ много, что теперь онъ крестится и даже сегодня собирался въ церкви быть и пр.: отошла обѣдня; разошлись прихожане; священникъ, худенькій старикъ въ ватной рясѣ, подпоясанный платкомъ, служившимъ ему и шарфомъ, шурша по мерзлomu полу валеными сапогами, вышелъ на паперть и занесъ уже было на голову мѣховую шапку, какъ изъ церковной калитки показался неизвѣстный челоуѣкъ, въ полушубкѣ, крытомъ чернымъ сукномъ и, скрипя высокими сапогами, торопливо подошелъ къ нему, снялъ шапку и сложилъ руки подъ благословеніе.

— Кто вы? откуда? спросилъ священникъ незнакомца, вопросительно глядя на подошедшую тутъ же группу своихъ прихожанъ.

— Я—Кузьма Кострица,—прихожанинъ вашъ, отвѣтилъ тотъ.

Священникъ недоумѣвающе смѣрилъ глазами незнакомца.

Въ солдатахъ служилъ онъ, сынъ Степана Кострицы, что сторожемъ въ нашей церкви былъ еще при покойномъ батюшкѣ о. Василіѣ, пояснили крестьяне.

— Благословите меня, батюшка, обратился Кузьма.

Священникъ медленно поглаживалъ свою сѣдую окладистую бороду, припоминая давно уже забытую исторію о смерти церковнаго сторожа Степана.

— Что же вамъ угодно отъ меня, сказалъ священникъ, благословляя его.

— Молебенъ прошу отслужить, батюшка: простите, запоздалъ я.

— Молебенъ?... хорошо, пойдемте! пригласилъ священникъ и направился въ церковь.

Во время молебна Кузьма стоялъ на колѣняхъ, крестился, клалъ земные поклоны.

— Что же вы надолго къ намъ? спросилъ батюшка, пряча въ карманъ рублевую бумажку.

— Да ужъ поселиться совѣмъ думаю; долго мыкался я по бѣлу свѣту.

— Такъ... На хозяйство, значить, заключилъ священникъ.

— Хотѣлъ бы панихидку еще... по отцѣ... на могилкѣ, неувѣренно началъ Кузьма, боюсь утрудить только...

— Хорошее и это дѣло, похвалилъ батюшка; вотъ только бы мѣсто упоко-

енія его узнать; затруднительно теперь: потому знаете, снѣга большіе у насъ въ эту зиму. А гдѣ служили? Изъ какихъ краевъ пожаловали? полюбопытствовалъ батюшка.

— Въ полку сперва служилъ, потомъ въ пограничную стражу перешель,— у австрійской границы, далеко отсюда, пояснилъ Кузьма.

— Да, да! далеко. Такъ по отчеству какъ же васъ?

— Кузьма Степановъ Кострица, отчеканилъ тотъ и провелъ рукой по усамъ и бородѣ.

— Степановъ?... сторожа, значить, сынъ, проговорилъ батюшка, осматривая Кузьму и какъ будто что-то соображая. Ну, ладно, когда вздумаете панихидку, такъ черезъ старосту сообщите.

— Хорошо, батюшка, дадимъ знать; мы могилку отыщемъ, снѣгъ уберемъ.

Священникъ благословилъ Кузьму, направился было къ себѣ, но сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, остановился. «Кузьма Степановъ Кострица... началъ онъ въ слухъ, глядя вслѣдъ за уходившимъ, это, значить, про него говорили: отца у церкви пугальъ, образа рубилъ, штундистъ, вѣдь, злой былъ, а теперь... молебень служить... крестится... панихиду просить...».

У церковныхъ дверей завизжалъ засовъ, щелкнулъ замокъ; изъ за угла показался церковный староста и, звеня связкой ключей, торопливо зашагалъ по направленію къ выходу.

— Лавро! окликнулъ его батюшка.

Староста оглянулся на зовъ и подошелъ.

— Это тотъ самый штундистъ Кузьма, что отца въ гробъ угналъ, образа рубилъ?

— Онъ самый и есть, батюшка, подтвердилъ староста.

— Когда жъ его Господь образумилъ то?

— Да должно быть, какъ въ солдаты попалъ и прозрѣлъ; тамъ шутить не позволятъ: шибко всякую дурь изъ головы вышибуть, глаза протрутъ...

— Да, да! ты вѣрно, тамъ строгость, дисциплина, а у насъ что?—воля, свобода; а неразумному свобода—погибель! Такъ ли Лавро?

— Какъ же, батюшка,—вѣрно, согласился староста. Вотъ хоть бы взять нашего брата мужика: были въ невольѣ, подъ палкой жили, горе да нужду знали, то и Бога боялись и старшихъ почитали; про эту самую штунду поганую, прости Господи, промежду мужика и помину не было.

— Да, да! согласился батюшка, это ты правду... въ военной службѣ,

значить, просвѣтили, образумили... Кострица... Степановъ... произнесъ священникъ въ раздумьѣ.

— Вѣрно, батюшка, вѣрно: тамъ шутить не стануть, продолжалъ словоохотливый староста, вотъ изъ нашихъ «вѣрующихъ», какъ они себя величаютъ, кто побывалъ въ солдатахъ, прошелъ ихнюю школу, такъ инымъ человѣкомъ воротился: въ грамотѣ уже какъ бы толкъ знаетъ и обращеніе иное, потому тамъ коли что... мудрствовать начнетъ, такъ носъ утрутъ, что десятому закажетъ, а у насъ что? еле грамотку осилилъ мальчишка, такъ сейчасъ «Писаніе» толковать... батяка учить, а не то, что бы...

— Что и говорить — школа другая, повторилъ батюшка, да и средства тамъ лучше и учителя иные.

— Да вотъ хоть бы къ примѣру и нашего Степку: несуразный мужичина, только что верзила былъ, рослый; помните, батюшка, стадо сельское пасъ?

— Помню, помню! какъ же, чудеса! право, улыбнулся батюшка.

— Попалъ въ солдаты, продолжалъ староста, потомъ въ жандармы, а теперь на станціи голландскимъ пѣтухомъ прогуливается: видъ такой важный, енераль да и только! всякую бумагу онъ прочтетъ, въ законахъ толкъ знаетъ, господа къ нему съ просьбой обращаются, не подумаетъ никто, что «господинъ жандармъ», какъ его величаютъ, семь лѣтъ назадъ, съ узелкомъ да дубинкой въ рукахъ, по махаринскимъ полямъ за скотиною ходилъ.

— Батюшка, баюшка! пожалуйста, люди ждутъ, доложилъ подбѣжавшій паренъ.

— Ну прощай, староста, прощай! замѣшкался я съ тобой, сказалъ священникъ и, приподнявъ воротникъ рясы и нахлобучивъ шапку поплотнѣе, затсропился по узкой тропинкѣ, шуря свои старческія глаза отъ искрящегося на солнцѣ морознаго снѣга.

XI.

Былъ канунъ новаго года, — «богатый вечеръ», какъ говорятъ въ народѣ. Крестьяне, плотно поужинавъ борщомъ, варениками, блинами и запивъ эту снѣдь изряднымъ количествомъ горилки, варенухи, спали мертвецкимъ сномъ. Огни вездѣ уже потухли и только въ старой, на половину занесенной снѣгомъ, хатѣ покойнаго сторожа Степана, сквозь маленькія, тускляя

оконца мерцаль огонекъ, ложасть свѣтлыми полосками на сугробы снѣга. Здѣсь Кузьма Кострица въ пріятельскомъ кружкѣ праздноваль свое возвращеніе на родное пепелище. Бесѣда велась искренняя, задушевная, чему, конечно, много способствовали радушіе хозяина и щедрое угощеніе. Со всѣхъ сторонъ осаждали Кузьму просьбами разсказать про чужую землю, чужой народъ и свою походную жизнь. Кузьма охотно разсказываль про солдатское житье-бытье: припомнилось ему, какъ онъ, заштундившійся и оплеванный «міромъ», оставляль родныя махаринцы; разсказываль про ужасные сны, которые преслѣдовали его и долго не давали покоя. Онъ, казалось, переживаль то душевное состояніе, когда человѣкъ не можетъ совладать сразу съ нахлынувшимъ чувствомъ, когда это чувство переполняеть душу и бурнымъ потокомъ просится наружу. Въ разгоряченной головѣ живо припоминаются пережитыя горькія минуты, картины прошлаго, какъ въ понорамѣ, мелькають въ его воображеніи. Трудное было времячко, но все это прошло.

— Денежки у меня есть, говорилъ Кузьма, порядочно уже охмѣлѣвшій, нужно будетъ новый домъ построить, въ этомъ хлѣбѣ что за жизнь! Колодезь съ насосомъ устроить нужно, постройки никуда не годятся...

— А тамъ и жениться, сказалъ одинъ изъ гостей.

— Что же? можно будетъ поискать, согласился Кузьма.

— Зачѣмъ искать?—за Кузьмой Степановичемъ и барышни побѣгутъ! подобострастно замѣтилъ тотъ же гость.

— Что и говорить? нашей сестры много, отозвалась хлопотавшая у печки Одарка, двоюродная сестра Кузьмы, любую, братикъ, выбирайте...

— Даль бы Богъ здоровья только, сказалъ Кузьма, а съ этимъ дѣломъ мы какъ-нибудь управимся.

— А что не выпить ли еще намъ за мою будущую невѣсту, весело проговорилъ Кузьма, беря опорожненную уже бутылъ? Э! да тутъ осушка!

— Да ужъ немного ли будетъ, замѣтилъ сидѣвшій на печкѣ дядько Кузьмы—старый Пахомъ, не принимавшій почти участія въ веселой пирушкѣ.

— Какое тамъ много! послалъ Богъ гостей... на радостяхъ можно, сказалъ Кузьма и, вынувъ трехрублевку, подаль ее сидѣвшему напротивъ крестьянину. Ты быстрѣ насъ всѣхъ, не даромъ Зайчукомъ называешься,—бѣги,—чтобы живо! А ты, сестричко, обратился онъ къ Одаркѣ, вареничкова бы намъ еще на закуску.

— Что же,—можно, охотно согласилась та; вотъ только бы воды... Эй! Никола, крикнула она, бери ведро да маршь!..

— Нѣтъ! ужъ позвольте, сестричко, моихъ гостей не тревожьте, вмѣшался Кузьма, за водочкой,—это еще можно, а за водой—я ужъ самъ.

— Что вы, что вы? Кузьма Степановичъ, развѣ это можно? запротестовали гости.

— Нѣтъ, ужъ будетъ такъ, какъ я хочу, рѣшительно сказалъ Кузьма, и, взявъ изъ-подъ лавки ведро, заглянулъ въ него.

— Чистое, чистое! не смотрите, Кузьма Степановичъ; вы думаете, что я не хозяйка? обидчиво замѣтила Одарка.

— Ну, ужъ ты не знаешь, что я думаю, сказалъ Кузьма, пропуская Зайчука съ бутылкой въ рукахъ.

— А что? встрепенулась Одарка, блестя своими большими темными глазами.

— А то, что, если бы ты мнѣ не родня,—я бы къ тебѣ сватовъ послалъ.

— Грѣхъ вамъ насмѣхаться, сказала Одарка, густо покраснѣвъ, польщенная шуткой родича.

— Вы же смотрите! обратился Кузьма къ гостямъ, остановившимся у порога съ ведромъ въ рукахъ: сестрички моей не обижать, пѣсни пѣть и съ поста не отлучаться!

— Слушаемъ, ваше высоко-діе! Никакъ нѣтъ! дружно гаркнули гости, побывавшіе уже въ солдатахъ. Кузьма скрылся за дверью. Въ хатѣ продолжались шутки, смѣхъ,—нѣкоторые затянули игривую пѣсню. Прошло полчаса; бутылъ съ водкой стояла на столѣ, а Кузьма не возвращался.

— Что бы это значило, что братикъ не возвращается? встревожилась Одарка.

— Ужъ и не придумаемъ, отвѣтили одни.

— Господь его знаетъ! недоумѣвали другіе.

— Не дай Богъ несчастье, выпилъ онъ много, свалился въ снѣгъ; морозъ крѣпкій... Сходить бы посмотрѣть, предложилъ Пахомъ.

— Идемъ, идемъ! загудѣли голоса и гости гурьбой двинулись къ выходу.

— Да фонарь возьмите; ночь вѣдь темная, предложила Одарка.

Зажгли фонарь и гуськомъ по узкой тропинкѣ направились къ берегу пруда, вблизи котораго на огородѣ Кузьма, когда еще жилъ съ баткомъ, выкопалъ колодезь. Тутъ имъ представилась ужасная коргина. Они нашли Кузьму въ колодезѣ, изъ котораго торчали ноги вершка на четыре. Возлѣ него лежали рукавицы и шапка.

Кузьму вытянули, но онъ былъ мертвый.

Видъ покойника былъ ужасный: въ страшной агоніи, въ борьбѣ со смертію, несчастный изорвалъ на груди новую холщевую рубаху, исцарапалъ лицо, искусалъ пальцы на обѣихъ рукахъ. Борьба за жизнь была отчаянная, ужасная, но всё усилія были напрасны. Кузьма, нагнувшись за водой, потерялъ равновѣсіе, и упалъ въ колодезь, какъ въ ледяной цилиндръ, изъ котораго безъ посторонней помощи не могъ выбраться.

XII.

День клонился къ вечеру. Луи зимняго солнца, дробясь мириадами блестящихъ на снѣжныхъ сугробахъ, красивыми огнями играли на крестѣ новенькой часовни махаринскаго кладбища и освѣщали тутъ же группу крестьянъ, спѣшившихъ покончить со свѣжей могилой. Священникъ только что окончилъ литію и началъ разоблачаться. Нахлобучивъ шапку и приподнявъ мѣховой воротникъ, онъ глянулъ по направленію къ часовнѣ и, замѣтивъ стояшаго на ступенькахъ крылечка господина, въ городской шубѣ и форменной фуражкѣ, привѣтливо кивнулъ ему головой. Господинъ отвѣтилъ на поклонъ батюшки и направился къ нему.

— А я думалъ вы уѣхали, Петръ Ивановичъ, сказалъ священникъ подошедшему.

— Не удалось, батюшка, сегодня дома ночевать: тутъ по сосѣдству въ Лаврикахъ дѣло неотложное объявилось—потребовали слѣдователя, такъ я уже рѣшилъ переночевать у васъ, да утречкомъ въ Лаврики, а то вѣдь дѣлать два конца въ городъ въ этакой морозище...

— Конечно, конечно, согласился священникъ, да мои рады будутъ, когда я васъ на ночлегъ приведу. За самоварчикомъ, да въ теплѣ мы и побесѣдуемъ...

— Ну вотъ тебѣ, Кузьма, и новая хата, сказалъ крестьянинъ, ставя въ рыхлую землю лопату; и принялся встряхивать полы тулупа и поднятую тутъ же на снѣгу шапку.

— Построили мы тебѣ скоро, безъ хлопотъ и заботъ твоихъ, замѣтилъ другой крестьянинъ.

— Какъ это, подумаешь, Господь управляетъ: гдѣ онъ только ни былъ, чужія страны видалъ, а умирать домой пришелъ, да и деньгами не судилъ Богъ попользоваться, въ довольствѣ пожить, замѣтилъ третій.

— Потому деньги должно быть нечистыя, прости ему Господи; какъ это солдатъ можетъ деньги собрать? отъ казеннаго пайка не много сбережешь, служилъ я,—знаю.

— Да будь онѣ эти деньги и чистыя, а разъ на тебѣ лежитъ батьково проклятіе — нѣтъ тебѣ счастья! нѣтъ тебѣ доли! заключилъ первый крестьянинъ.

— Да, поучительна смерть этого челоѣка, вздохнулъ священникъ, слышавшій разговоръ.

— Какую видную роль, однако, играетъ случай въ нашей жизни, началъ слѣдователь: челоѣкъ, прошедшій адскія горнила, опасности, сопряженныя съ военной службой, — остается невредимъ, а находитъ себѣ смерть среди родныхъ вербъ въ колодиѣ, собственными руками выкопанномъ.

— Ошибаетесь, Петръ Ивановичъ, сказалъ священникъ, — это не случай, а персть Божій, наказаніе Господне!

— Ужъ именно наказаніе Божіе, замѣтилъ староста, складывая въ узелъ церковное облаченіе.

Благочинный 7 пѣхотной дивизіи, Священникъ Іоаннъ **Яроцкій**.

Г. Петроковъ.

НЕКРОЛОГЪ.

† Священникъ Н. В. Космодамианскій.

11-го іюня текущаго 1896 г. послѣ продолжительной и тяжелой болѣзни скончался на 51 году отъ роду благочинный 4-й кавал. дивизіи, священникъ 12-го драг. Маріупольскаго полка о. Николай Васильевичъ Космодамианскій. Сынъ священника Калужской губ., почившій получилъ образованіе въ Полоцкой дух. семинаріи, въ 1868 году рукоположенъ во священника; до 1884 года священствовалъ въ Полоцкой епархіи, въ 1884 году опредѣленъ священникомъ къ церкви 12-го драг. Маріупольскаго полка, гдѣ и оставался до дня своей смерти; съ 19-го августа 1893 года проходилъ должность благочиннаго 4-й кавал. дивизіи; изъ наградъ имѣлъ: набедренникъ, скуфью, камилавку и сунод. наперсный крестъ.

О. Николай отличался многими симпатичными качествами души, особенно привѣтливостью, незлобіемъ и простотою обращенія. Въ его лицѣ Марі-

упольскій полкъ лишился горячо любимаго пастыря, офицерская семья—добраго и сердечнаго товарища. По заповѣди апостола, почившій радовался радостями своихъ духовныхъ чадъ и печалился ихъ печалами.

Во время болѣзни о. Николай неоднократно исповѣдался и причащался Св. Таинъ, не задолго предъ смертію соборовался. Силы быстро стали падать и 11-го іюня о. Космодамианскаго не стало.

Погребеніе совершено съ подобающею торжественностію соборнѣ— семью священниками. Духовникъ почившаго священникъ Сумеонъ Овсянкинъ за литургією сказалъ поученіе, заканчивающееся такими словами: «Достопочтеннѣйшій собратъ нашъ! хочу твердо вѣрить, что твоя привѣтливость и простота и то незлобіе, съ какимъ ты относился къ людямъ, составятъ доброе украшеніе въ вѣнкѣ небесномъ, а если ты, плоть носившій, согрѣшилъ въ чемъ—кто изъ людей можетъ прожить безъ грѣха?—то дерзаю надѣяться, что, по молитвамъ Пресв. Богородицы, ангела—хранителя твоего и св. угодника Николая Чудотворца, все будетъ прошено тебѣ милосерднымъ Господомъ за искренность твоего покаянія и за терпѣливое перенесеніе столь продолжительныхъ и тяжкихъ страданій. Собратья твои во Христѣ будутъ молиться о душѣ твоей; я же имѣю къ тому и особое побужденіе, какъ землякъ твой. Сохранять о тебѣ молитвенную память и присные твои и сн твои духовныя чада, столь любившія тебя». На гробъ были возложены вѣнки: отъ военнаго духовенства, отъ общества офицеровъ Мариупольскаго полка и отъ родственниковъ. Расходы по погребенію полкъ принялъ на себя. Онъ же во всемъ своемъ составѣ и памятникъ поставитъ на могилѣ. Участвовавшіе въ погребеніи священники раздѣлили между собою трудъ по служенію сорокоуста.

Священникъ 11-го драг. Харьковскаго полка Сумеонъ Овсянкинъ.

Содержаніе. Объ изд. Вѣстника В. Д—ва въ 1897 году.—О переносныхъ антими́сахъ.—Напут. слово увольняемымъ въ запасъ арміи.—Поученіе въ день иконы Казан. Божіей Матери.—Персть Божій (окончаніе).—Некрологъ свящ. Н. В. Космодамианскаго.

Редакторъ-Издатель, Свящ. **Іоаннъ Таранецъ.**

Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатанъ дозволяется.
С.-Петербургъ, 4 Октября дня 1896 года.

Цензоръ Архимандритъ Климентъ.